

И.А. АЛЬТМАН

ПРАВЕДНИК НАРОДОВ МИРА ЧИУНЭ СУГИХАРА

Японский дипломат Чиунэ (Тиуне, Семпо) Сугихара (Сугивара, Цугихара) (1900–1986), вице-консул в Каунасе в начале Второй мировой войны, прожил долгую и насыщенную событиями жизнь. Всемирную известность он получил как спаситель потенциальных жертв Холокоста – оказавшихся в Литве еврейских беженцев из Польши. Благодаря выданным Сугихарой визам, беженцы накануне нападения Германии на СССР смогли выехать в Японию. В 1984 г. израильский музей “Яд Вашем” присвоил Сугихаре звание Праведника Народов Мира.

Значительная часть жизни Сугихары прямо или косвенно была связана с Россией. Тем удивительнее, что в нашей стране об этом неординарном человеке знают очень мало¹.

За рубежом о деятельности Сугихары написаны монографии; он упоминается в трудах по истории внешней политики Японии и книгах по истории помощи беженцам от нацизма². Как и у других Праведников Народов Мира, спасавших евреев в годы Второй мировой войны (немецкий предприниматель Оскар Шиндлер, шведский дипломат Рауль Валленберг, глава греко-униатской церкви Украины митрополит Андрей Шептицкий), жизнь и деятельность Сугихары не укладывается в привычные схемы.

Чиунэ окончил русско-японский лицей в Харбине; он прекрасно говорил и писал по-русски; женившись на юной танцовщице из России, принял православие; его первый сын родился, когда Сугихара находился в командировке в Петропавловске-Камчатском; за связь с белогвардейцами он не получил въездную визу в СССР в начале 1937 г. Свою предпоследнюю дипломатическую должность Сугихара занимал в Кёнигсберге (ныне Калининград) с весны по осень 1941 г. С августа 1944 по март 1947 г. он был интернирован с семьей в Румынии и Одессе (почти одновременно с Валленбергом); в 1960–1970-е годы Сугихара представлял в Москве японские торговые фирмы. Именно в Москве на русском языке были написаны единственные доступные нам личные сви-

Альтман Илья Александрович – кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, сопредседатель Научно-просветительного Центра “Холокост”.

¹ Недавно стали появляться посвященные Сугихаре научные статьи и публикации источников. Отметим перевод и комментарии Я. Зинберга: *Сираиси М.* Японский дипломат Сугихара Тиунэ, который спас 6000 евреев. – Интернет-портал “Заметки по еврейской истории”, 2007–2011 (далее – Заметки); см. также: *Гусева Е.О.* Японский Валленберг. – *Международная жизнь*, 2013, № 9, с. 154–174. В предисловии к этой публикации документов из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) МИД России неверно указаны некоторые даты: пребывания Сугихары в Финляндии; отказа на въезд в СССР; прибытия в Литву и закрытия консульства; интернирования в Бухаресте.

² *Warhaftig Z.* Refugee and Survivor. Rescue Efforts During the Holocaust. Jerusalem, 1988; *Sakamoto P.R.* The policy of Japanese Ministry of FA toward Jewish refugees. Medford, 1996; *Levine H.* In search of Sugihara. New York, 1996; *Sugihara S.* Chiune Sugihara and Japan Foreign Ministry. Between incompetence and capability, p. 1–2. Lanham, 2001; *Tokayer M., Swartz M.* The Fugu Plan. Jerusalem, 2004; *Chizuko Takao.* The Birobidzhan Project from the Japanese Perspectiv. – *Jewish Studies in the Far East*. Frankfurt a. M., 2009; *Сираиси М.* Японский дипломат Сугихара Тиунэ, который спас 6000 евреев. Токио, 2011 (на яп. яз.).

детельства Сугихары о его деятельности в Каунасе, адресованные польскому военному историку Р. Кораб-Жебрыку³.

В 2011–2012 гг. был начат международный научный проект по фронтальному изучению документов о Сугихаре в архивах России, Японии, Литвы и Финляндии⁴. Его результаты позволяют существенно дополнить историографию о жизни и деятельности японского дипломата.

Сугихара – ровесник XX в.: он родился 1 января 1900 г. в японской провинции, на острове Хонсю, в небольшом городке Яоцу, префектура Гифу. Его имя и фамилия на русском языке пишутся и произносятся по-разному. Обычно – Тиуне Сугихара. Поэтому важно, как сам дипломат обозначал себя на русском языке. В 1967 г., находясь в Москве, он сообщал в письме польским военным историкам (оно написано на русском языке, лишь с небольшими стилистическими неточностями): “Мое имя и фамилия пишутся японскими иероглифами как видно на приложенной карточке, а читаются двояко, как Чиунэ Сугихара и как Сэмпо Сугивара”⁵.

Будущий дипломат провел детство в Корее. В 1918 г. поступил в престижный токийский университет Васэда (его по праву называют японским Йеллем, готовящим на протяжении десятилетий политическую элиту страны). Но в 19 лет Чиунэ принимает судьбоносное решение – переехать в китайский Харбин и посвятить себя изучению России. Он стал одним из первых студентов нового учебного заведения – (школы или русско-японского лицея; иногда его называют училищем) при Японо-русской ассоциации, которое ставило своей целью подготовку специалистов со знанием русского языка. Оно было открыто под эгидой министерства иностранных дел (МИД) Японии и при спонсорской поддержке Южно-маньчжурской железной дороги. Чиунэ Сугихара был среди 3 выпускников, зачисленных на службу во внешнеполитическое ведомство Японии. Немалую роль сыграл тот факт, что русским языком он владел в совершенстве, выучив его феноменально быстро: всего за 4 месяца⁶. В 1923 г. Сугихара переселился в район Маньчжурии, находившийся неподалеку от советской границы. 8 февраля 1924 г. он был принят в штат МИД Японии первоначально в качестве чиновника при посольстве. В декабре 1924 г. он был направлен на службу в консульство Японии в Харбине⁷.

Харбин 1920-х годов хорошо представлен в блистательных романах Юлиана Семёнова и фильмах о юном Максиме Максимовиче Исаеве – советском разведчике Штирлице. Возможно, прототип этого героя пересекался со стройным и улыбчивым, необыкновенно обаятельным молодым японцем, постоянно вращавшимся среди белоэмигрантов. Да и слух о его женитьбе в 1924 году на красавице Клавдии Семёновне Апполоновой

³ См. письмо Ч. Сугихары Р. Кораб-Жебрыку от 21.07.1967. – Архив Центра “Холокост” (далее – АЦХ), ф. 8, Коллекция документов “Праведники Народов Мира”, оп. 1, д. 53, л. 5–14 (копия). Р. Кораб-Жебрык использовал некоторые факты из этого письма в своей книге о деятельности Армии Крайовой в Виленском крае в начале Второй мировой войны. – *Korab-Żebryk R. Operacja wileńska* АК. Warszawa, 1985.

⁴ Проект был инициирован японскими профессорами Чизуко Такао (Университет Риккио в Токио) и Дэвидом Вольфом (Университет Саппоро). В проекте участвовали руководители архива МИД Японии Кунио Ишида и Сираиси Масааки, российские архивисты Т. Царевская (Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ), Л. Штанько (Российский государственный военный архив, РГВА), О. Лаговская (Государственный архив Российской Федерации, ГАРФ) и М. Альтман (Российский государственный архив экономики, РГЭ), а также Й. Бэкман (Университет Хельсинки) и Т. Брускина (Вильнюс, Литва). Документы АВП РФ были предоставлены при содействии руководителей Историко-дипломатического департамента МИД РФ А.И. Кузнецова и И.В. Фетисова. Автор статьи приносит всем коллегам искреннюю благодарность.

⁵ АЦХ, ф. 8, оп.1, д. 53, л. 5.

⁶ *Sugihara S.* Op. cit., pt. 2, p. 107. По данным автора, в период учебы Сугихара жил в доме, которым владела русская семья.

⁷ Именно в этот период он впервые попал на территорию СССР, сопровождая генконсула Японии в Харбине в поездке во Владивосток.

(ее отец и братья служили у атамана Семёнова) облетел весь “русский” Харбин. Особую пикантность интернациональному браку придавало венчание в православном храме. Этому предшествовал обряд крещения жениха, на чем настоял сам будущий муж⁸. Так наш герой получил еще одно (отнюдь не последнее имя) – стал Сергеем Павловичем. Отчество было дано по имени проводившего обряд крещения настоятеля местного собора о. Павла⁹. Счастливый брак, хорошо оплачиваемая любимая работа – так можно охарактеризовать жизнь Сугихары в Харбине. В 1926 г. он подготовил для своего руководства “Генеральный обзор экономики СССР”. Этот увесистый том включает более 600 страниц.

Профессиональное знание России пригодилось Чиунэ-Сергею в годы работы в конторе Южно-маньчжурской железной дороги, а затем в администрации марионеточного государства Манчжоу-Го, созданного после оккупации Манчжурии японцами. В этот период Сугихара упоминается как в переписке советского руководства, так и документах Наркомата иностранных дел (НКВД). Его имя было известно Сталину. В шифрограмме членов ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановича и В.М. Молотова (позднее оба будут вовлечены в решение вопроса о транзите еврейских беженцев) от 10 июля 1932 г. в связи с конфликтом с японцами в районе Китайско-восточной железной дороги (КВЖД) Сугихара назван представителем Манчжоу-Го в связи с переговорами с генеральным консулом СССР в Харбине М.М. Славущим¹⁰.

К Сугихаре обращались (что свидетельствует о его важной роли в этот период) представители русской эмиграции для решения многих гуманитарных вопросов: от создания детских домов для детей жертв конфликта в районе КВЖД до создания учреждений культуры. Так, он упоминается в письме японским представителям известного геолога, исследователя Дальнего Востока Э.Э. Анерта от 23 февраля 1933 г. по вопросу создания музея изучения Северной Манчжурии¹¹.

Масштабы деятельности японского дипломата в Манчжурии в полной мере раскрывает отчет под названием “Контакты переводчика Сугихара с белоэмигрантами из России”, введенный в научный оборот его японским биографом М. Сираиси¹². Из этого документа следует, что Сугихаре приходилось заниматься весьма деликатными делами: “с самого начала посредничать в ссорах”, возникавших между СССР и Японией; собирать сведения о советских журналистах, намеревавшихся прибыть в Японию; расследовать контрабандную деятельность в пограничных районах, располагавшихся между Китаем и СССР; следить за советскими журналистами и, наконец, выкупить закодированную в Советском Союзе информацию, которую выкрал сотрудник Генерального консульства СССР в Харбине. Кроме того, Сугихара лично общался с представителями белогвардейцев по поводу назначения денежных пособий, которые пересылало сиротам Общество Красного Креста Японии. В отчете Сугихара пытался убедить руководство, что обвинения советской стороны беспочвенны: после перехода на работу в Иностранный отдел государства Манчжоу-Го, по словам Сугихары, его даже стали подозревать в симпатиях к Советскому Союзу¹³.

Основная причина недовольства советской стороны, по мнению Сугихары, состояла в том, что ему далеко не всегда удавалось “удовлетворить” запросы советских партнеров по переговорам. Действительно, Сугихара сыграл важную роль в переговорах

⁸ Многие авторы научно-популярных статей о Сугихаре объясняют мотивы его помощи беженцам “духом самурая”, игнорируя тот факт, что Сугихара был православным. Не был самураем и его отец.

⁹ Levine H. Op. cit., p. 69. Автор ошибочно указывает отчество крещенного как “Павелович”.

¹⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 220–221.

¹¹ РГАЭ, ф. 732, оп. 1, д. 165, л. 39.

¹² Отчет был написан по заданию японского МИД в начале 1937 г. после отказа Сугихаре на въезд в СССР для работы в посольстве Японии.

¹³ См. Заметки, 2008, № 1; № 5; № 9.

о продаже Советским Союзом КВЖД, в ходе которых наша страна понесла немалые потери – около 1 миллиона долларов¹⁴.

Для Сугихары, который был одной из центральных фигур переговорного процесса (о чем он скромно умалчивает в своем отчете), работа в Манчжурии стала важным этапом карьеры. 25 августа 1934 г., в ходе переговоров по вопросу о КВЖД, он был назначен начальником “Российского отдела” при правительстве Манчжоу-Го. Через 4 месяца после завершения этих переговоров, 1 июля 1935 г., Сугихара вернулся на службу в МИД Японии.

В 1935 г. Сугихара развелся с женой (детей у них не было). По версии Х. Левина, американского биографа Сугихары, ему удалось сохранить с бывшей женой добрые отношения и даже оказывать ей материальную помощь¹⁵. На следующий год Сугихара женится на японке по имени Юкико. Она родила четырех сыновей; сопровождала мужа в его дипломатической карьере за рубежом и стала его биографом¹⁶.

Возможно, что одной из причин развода с Клавдией стало намерение японского МИД послать Сугихару в Советский Союз: с женой, которая была дочерью белогвардейца, это было бы невозможно¹⁷. 9 апреля 1936 г. Сугихара получил назначение в Петропавловск-Камчатский (советская сторона подтвердила его назначение 20 апреля 1936 г.)¹⁸. Здесь он узнал о рождении первого сына, появившегося на свет 20 сентября 1936 г.

1937 г. сулил Сугихаре новый взлет дипломатической карьеры. МИД Японии направил Сугихару в японское посольство в Москву. 28 декабря 1936 г. посол Японии в Москве М. Сугэмуцу сообщал наркому иностранных дел М.М. Литвинову, что “26-го декабря с. г. г-н Чиунэ СУГИХАРА (Mr. Chiune Sugihara), Секретарь Японского Консульства в Петропавловске на Камчатке, находящийся в настоящее время в Токио, назначен Дипломатическим атташе”¹⁹.

Фамилия Сугихары даже попала (без указания адреса) в изданный список находящихся в Москве иностранных дипломатов на 1937 г.²⁰ Но приехать в столицу Советского Союза ему тогда было не суждено. 4 февраля 1937 г. НКВД сообщил посольству Японии, что Сугихара является “персоной нон грата” и не имеет права на получение въездной визы. На следующий день сотрудник НКВД Б.И. Козловский принял советника посольства Японии в СССР С. Сако, который заявил, что “еще не было прецедента, чтобы отказывалось в визе членам посольства” и потребовал объяснений²¹.

Отказ в советской визе Сугихаре стал предметом крупного дипломатического скандала между двумя странами. МИД Японии, как через сотрудников своего посольства в Советском Союзе, так и посольства СССР в Токио, резко протестовал. 23 февраля и 27 марта 1937 г. японские дипломаты дважды уведомляли своих советских коллег в Токио, что они даже провели специальное расследование связей Сугихары с белогвардейцами.

Чем же руководствовалась при отказе советская сторона? Об этом 28 февраля 1937 г. послу Японии в СССР М. Сигэмуцу заявил зам. Наркома иностранных дел Б.С. Стомоныхов: “В порядке любезности мы сообщили японскому посольству о том, что Сугихара

¹⁴ Абалова Н.Е. История КВЖД и российская эмиграция в Китае (первая половина XX века). Минск, 1999, с. 180.

¹⁵ Levine H. Op. cit., p. 66–69. Выйдя повторно замуж, Клавдия Дорф после Второй мировой войны проживала в Австралии.

¹⁶ Sugihara Y. Visas for life. San Francisco (Calif.), 1995. Книга вышла на японском языке в 1990 г. и была переведена на многие языки мира.

¹⁷ Любопытно, что факт развода, как мотив отказа Сугихары от связей с белогвардейцами, приводили японские дипломаты, когда нашему герою отказали во въезде в СССР для работы в Москве. – Гусева Е.О. Указ. соч., с. 156.

¹⁸ Там же, с. 159.

¹⁹ В этом документе, как и других материалах НКВД, имя Сугихары указано как “Чиунэ”.

²⁰ Levine H. Op. cit., p. 115.

²¹ АВП РФ, ф. 0146, оп. 20, п. 176, д. 6, л. 17.

поддерживал тесные связи с самыми крайними кругами белогвардейской эмиграции. Он поддерживал связи с не только враждебными нам, но и с преступными элементами. При этих условиях пребывание г. Сугихара у нас не может содействовать добрым отношениям между странами". Посол категорически отрицал эти связи Сугихары и был готов нести личную ответственность за него. Но Стомоняков (вскоре репрессированный) был непреклонен. По его мнению, "деятельность Сугихары в Манчжурии была ненормальна, незаконна и недопустима. Мы можем только удивляться, что японское правительство настаивает на пребывании в нашей стране лица, занимавшегося антисоветской деятельностью"²².

Почти все авторы, писавшие о Сугихаре с середины 1990-х годов, упоминают о его разведывательной деятельности. Сугихара зарекомендовал себя как незаурядный разведчик уже в 1930-е годы. Памелла Сакамото утверждала, что он "должен был вербовать русских и евреев, и делал это очень удачно"²³. Можно с большой долей вероятности утверждать, что аналогичные функции Сугихара должен был выполнять и в Москве.

Сугихаре пришлось отправиться в Финляндию, где его знания об СССР и контакты с белоэмигрантами оказались весьма кстати накануне советско-финляндского конфликта. Здесь он находился почти 2 года: с 15 сентября 1937 по 25 августа 1939 г. Во время пребывания в Финляндии Сугихара активно интересовался ситуацией в СССР и тесно контактировал с полицией госбезопасности Японии в ходе разрешенной ему поездки на границу с СССР. В Хельсинки он завербовал, как минимум, двух финских граждан – эмигрантов из России²⁴.

Следующим этапом дипломатической (а также и разведывательной) карьеры Сугихары стало его назначение в Литву, где не проживал ни один японский подданный и с которой у Японии не было культурных или экономических связей. Он открыл консульство в Ковно (Каунасе) в октябре 1939 г. Перед Сугихарой в Каунасе, по его словам²⁵, была поставлена задача: "снабжать Генштаб японской армии, но не Министерство иностранных дел, всей информацией, основанной на событиях и слухах относительно оккупированных территорий на литовско-германской границе и любые сигналы об окончании пакта и подготовки немецкой армии к нападению на СССР. Нам необходимы были новые глаза в Литве"²⁶.

Сакамото утверждал, что в Каунасе Сугихара, "знавший русский язык и русских", занимался разведдеятельностью о советских войсках²⁷. Польские исследователи, напротив, пришли к выводу, что Сугихара выполнял секретное поручение по сбору информации о планах Германии осуществить нападение на Советский Союз. Он помог своим польским агентам выбраться из Литвы после ее аннексии Советским Союзом, обеспечив их японскими паспортами; продолжал поддерживать с ними связь и в дальнейшем²⁸. Эту информацию подтверждает и польский военный историк Р. Короб-Жебырь. В частности, он сообщал, что через этого японского дипломата "поддерживалась связь польского подпольного движения с польским дипломатическим представительством в Стокгольме", благодаря чему были переправлены в Париж "два боевых знамени

²² Там же, д. 5, л. 21–25. На первый взгляд, советские спецслужбы располагали весьма убедительным "компроматом" на японского дипломата. Тем не менее, он не только не был использован против Сугихары после интернирования в 1944 г в Румынии, но и не помешал его въезду для работы в СССР через 15 лет после окончания Второй мировой войны.

²³ *Sakamoto P.R.* Op. cit., p. 238–239.

²⁴ *Бекман Й.* Чиунэ Сугихара и японская разведка в Финляндии в конце 1930-х гг. – В отблеске "Хрустальной ночи": еврейская община Кёнигсберга, преследование и спасение евреев Европы. М., 2014 (в печати).

²⁵ Мотив переезда Сугихары в Ковно (Каунас) изложен в его письме от 21.07.1967 г. польскому военному историку д-ру Р. Короб-Жебырку. – АЦХ, ф. 8, оп.1, д. 53, л. 6–7.

²⁶ *Levine H.* Op. cit., p. 7, 121.

²⁷ *Sakamoto P.R.* Op. cit., p. 235.

²⁸ *Palasz-Rutkowska E., Romer A.T.* Polish-Japanese Cooperation during World War 2, *Japan Forum* 7, 1995, № 2, p. 287–297.

Войска Польского, спасенного из сентябрьской кампании 1939 года”, а “многим польским гражданам была предоставлена возможность выезда через Советский Союз и Японию”²⁹.

Открытие японского консульства совпало с передачей Литве Советским Союзом Виленского края из аннексированной части Польши. Сюда легально стягивались еврейские беженцы из Польши – молодежь, активисты еврейских организаций и политических партий, учащиеся религиозных учебных заведений (йешив). Между 17 сентября 1939 г., когда советские войска вошли в Восточную Польшу и 28 октября того же года, когда они были выведены из Вильно, передвижение туда было свободным. Выезд евреев на эту территорию был как стихийным, так и организованным. Когда 10 октября 1939 г. было объявлено, что край отдадут Литве, члены сионистских организаций призвали тысячи своих членов перебраться в Вильно³⁰. По разным оценкам, к началу 1940 г. в Литве оказалось от 14 до 20 тыс. еврейских беженцев из Польши.

Между сентябрем 1939 и июнем 1940 гг. Литва выглядела “как остров независимости” в Восточной Европе³¹. Евреи Литвы создали Комитет по делам беженцев (помогавший польским евреям), но эмигрировать из Литвы, как правило, не планировали. Позиция их духовного лидера рабби Х.О. Гродзинского, формулировалась так: “Литва не будет ни красной, ни черной, но розовой”³². Отсутствие явной угрозы для евреев в Литве, советско-германский пакт 23 августа 1939 г. и “странная война” на Западе укрепили многих беженцев из Польши в том, что уезжать из Литвы не нужно. Однако часть беженцев стремилась выехать в Палестину и США. В реализации этих попыток важную роль играли адвокат З. Варгафтик³³ и представитель американской еврейской благотворительной организации “Джойнт” М. Бикельман³⁴. Заслуживает внимания попытка Варгафтика и его коллег подключить бюро “Интуриста” в Каунасе для отправки 100 семей через Германию в Италию и далее в Палестину³⁵. Эта попытка не привела к положительному результату, но вариант с “Интуристом” стал в дальнейшем ключевым в переговорах с советскими представителями. К тому же, у этой организации имелся опыт провоза австрийских и немецких беженцев через территорию СССР в Манчжурию.

Отметим, что для подавляющего большинства еврейских беженцев до лета 1940 г. выехать из Литвы было не реально. Въезд в Палестину лимитировался ограниченным числом виз, которые выдавались посольством Великобритании. С октября 1939 г. по май 1940 г. – в наиболее благоприятный для выезда период – он был вообще прекращен³⁶, за исключение квот, ранее оговоренных с Еврейским Агентством³⁷.

²⁹ АЦХ, ф. 8, оп.1, д. 53, л. 1.

³⁰ *Iwry S.* To wear the dust of war. From Bialostok to Shanghai to Promised Land; an oral history. New York, 2004, p. 44.

³¹ *Sakamoto P.R.* Op. cit., p. 232; *Krugier M.* The making of a Cold Warrior. – *Ouadrant*, November, 1986, p. 40.

³² *Warhaftig Z.* Op. cit., p. 42–43.

³³ Один из лидеров организации религиозных сионистов “Мизрахи”; бежал на территорию СССР из оккупированной Варшавы. Вместе с М. Клинбаумом он открыл в конце 1939 г. Палестинский офис Еврейского агентства в Вильно. Офис получил лишь 400 сертификатов для въезда в Палестину со сроком действия в шесть месяцев. После войны З. Варгафтик был членом кнессета первых созывов, министром по делам религии Израиля в 1960-е годы. – *Warhaftig Z.* Op. cit., p. 38–40.

³⁴ М. Бикельман познакомился с Сугихарой в середине октября 1939 г. Он был единственным американским гражданином, получившим японские транзитные визы. – *Levine H.* Op. cit., p. 148–149.

³⁵ *Warhaftig Z.* Op. cit., p. 76–77.

³⁶ Одним из мотивов действий британских дипломатов были якобы опасения за жизнь беженцев из-за наличия в Чёрном море немецких подводных лодок.

³⁷ Это привело к организации массового изготовления фальшивых документов и виз; полученный “опыт” пригодился впоследствии для изготовления поддельных документов на въезд в Японию.

США занимали еще более жесткую позицию, чем Великобритания. Беженцам даже формально нельзя было подать документы на выезд в США: среди документов должна была быть справка о моральном облике заявителя, выданная полицейскими властями Польши, которой как государства больше не существовало. Эмигранты-нелегалы, которых было подавляющее большинство, получить такую справку от литовских властей не могли³⁸. В результате, американские дипломаты в Каунасе, следуя инструкции госдепартамента США, даже не использовали лимит виз: из возможной квоты в 6254 разрешений для граждан Польши, 5 000 оказались “невостребованными”³⁹.

Чтобы оценить особую позицию Советского Союза и Японии по вопросу проезда беженцев, необходимо учитывать, что посольства ряда западных держав возражали против въезда польских евреев на свою территорию. Будь политика США и Великобритании иной – японских транзитных виз просто бы не понадобилось.

Особо следует указать на роль правительства Литвы в организации выезда беженцев. Без оценки его усилий невозможно понять, почему СССР согласился в итоге на транзит беженцев. Литва вела активные переговоры со странами, которые могли бы предоставить беженцам транзитные визы⁴⁰. С конца 1939 г. и до ввода советских войск, литовские дипломаты настойчиво ставили вопрос о транзитных визах для беженцев. Эта тема многократно обсуждалась на их встречах в НКВД и советскими дипломатами в Каунасе⁴¹. Правительство этого балтийского государства было готово даже выдать свои паспорта обладателям утративших силу польских удостоверений личности⁴².

Ситуация для беженцев кардинально изменилась после ввода советских войск в Литву в середине июня 1940 г. “Москва пришла к нам”, – мрачно шутили еврейские беженцы⁴³. Перед ними замаячили невесёлые альтернативы: принятие советского гражданства с вероятной перспективой преследования по политическим или религиозным мотивам; возвращение в германскую зону оккупации Польши с перспективой оказаться в гетто; наконец, ссылка в Сибирь или на Север России в случае желания сохранить гражданство Польши. Многие опасались и вторжения Германии в Литву. Оставался единственный шанс на спасение: выехать с транзитной визой.

Контактам лидеров беженцев с японским консулом и советскими представителями предшествовала почти детективная история с получением фиктивных въездных виз на остров Кюрасао⁴⁴ от голландского консула в Каунасе. Япония признавала правительство уже оккупированных немцами Нидерландов и управление в ее колониях вплоть до начала декабря 1941 г. (до нападения Японии на американскую базу Пёрл-Харбор)⁴⁵. Сначала представители еврейских беженцев решили действовать нелегально. Они нашли магазин с винами и ликерами с острова Кюрасао и попытались заставить хозяина выдать им документ, что для въезда на этот остров визы не нужны⁴⁶. Затем был установлен контакт с почетным консулом Нидерландов Я. Звартендюком: он торговал в Литве товарами фирмы “Филиппс” и дипломатические функции были отнюдь не его главной задачей. По просьбе Варгафтика, консул написал на французском языке текст о возможности въезда на Суринам и Кюрасао с разрешения местного губернатора и без специальной визы.

³⁸ *Iwry S.* Op. cit., p. 52.

³⁹ *Levine H.* Op. cit., p. 241.

⁴⁰ *Warhaftig Z.* Op. cit., p. 75–76.

⁴¹ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Vilnius, 2006.

⁴² *Альтман И.А.* Транзит еврейских беженцев в Японию через территорию СССР в 1940–1941 гг. – Война, Холокост и историческая память. Материалы XX международной ежегодной конференции по иудаике. Т. IV, М., 2013, с. 25–27.

⁴³ *Iwry S.* Op. cit., p. 56–57.

⁴⁴ Самый большой остров Нидерландских Антиль в Карибском море у побережья Венесуэлы.

⁴⁵ *Sakamoto P.R.* Op. cit., p. 260–261.

⁴⁶ *Iwry S.* Op. cit., p. 61.

Следует подчеркнуть, что эта договоренность, ставшая основой для нового направления будущего транзита, была достигнута в июле 1940 г., то есть после ввода советских войск в Литву. Лишь после успеха этой авантюрной операции ее инициаторы вспомнили, что кратчайший путь на Карибы идет именно через Японию.

Следующей целью беженцев для выезда из Советской Литвы стало получение японских транзитных виз. Какой же была позиция руководства Японии по вопросу о еврейских беженцах? Важное значение для ее понимания имеет так называемый “проект Фугу”, появившийся в конце 1938 г. и предусматривавший расселение еврейских беженцев из Германии в Манчжурии (реализован он не был, но показывал заинтересованность части японского руководства в контактах с еврейскими организациями за рубежом). Ё. Мацуока, назначенный в июле 1940 г. министром иностранных дел Японии, в частной беседе заявлял, что в Японии никогда не будет антисемитизма и это идеал императорской Японии⁴⁷.

Именно от позиции министра иностранных дел Японии зависел вопрос о выдаче транзитных виз. Процедура их выдачи в Каунасе Сугихарой продолжалась более месяца: с 23 июля по конец августа 1940 г. До весны 1940 г. японский консул выдавал визы на выезд главным образом литовцам и полякам⁴⁸, которые бежали в Литву из обоих секторов оккупированной Польши. Число таких виз составляет не менее четверти в его списке на 2 139 человек, переданном в МИД Японии в начале февраля 1941 г.⁴⁹ Некоторые из этих людей оказывали Сугихаре определенные услуги. Это была своего рода проверка канала, по которому будут выезжать еврейские беженцы.

В письме, написанном в 1967 г., Сугихара вспоминал, как проходил процесс выдачи виз: “В один августовский день, с раннего утра, на улице Консульства в Ковно слышался необычный шум. Какие-то незнакомые разговоры людей становились все громче. Чтобы узнать в чем дело, я выглянул в окно своей квартиры. Оказывается, у забора квартиры образовалась огромная толпа людей, которые сказались польскими беженцами, прибывшими через Вильно из разных районов Польши, находившихся уже под угрозой приближения немецких войск. Толпы с каждым днем возрастали. Они просили со слезами в глазах выдать им японские визы для проезда через Японию на другие континенты. Большинство указывало конечными пунктами поездок – Латинскую Америку, США и Израиль (так в тексте. – И.А.). По обыкновенному порядку полагалось для получения транзитных виз предъявить визу какой-нибудь другой – документ от властей той страны, куда они хотели въезжать... у большинства не было никаких документов, подтверждающих беспрепятственный въезд в другую страну после Японии”⁵⁰.

Сугихара утверждал, что после 10 дней переговоров с Токио оттуда “последовали отрицательные ответы”. Сугихару угнетал измученный вид беженцев, поэтому он навел справки о советских транзитных визах для их проезда через СССР. Советское консульство разъяснило, что оно готово выдавать эти визы, если только у беженцев “будут сперва японские визы”. Поэтому Сугихара, прервав переписку с МИД Японии, 11 августа “самовольно начал, при том, конечно, на свою полную ответственность, выдавать японские транзитные визы буквально всем, кто обращался ко мне, без разбора – есть у них какой-нибудь документ, свидетельствующий въезд в другую страну после Японии или нет, прямо как пулеметчик стреляет из пулемета”. Действия Сугихары привели к определенным проблемам: “числа 20 августа мне стали поступать как от токийского министерства, так и непосредственно от капитана японского парохода, регулярно

⁴⁷ Sakamoto P.R. Op. cit., p. 279.

⁴⁸ Levine H. Op. cit., p. 164, 171. Например, Ян Дашкевич, который сообщал Сугихаре о концентрации советских войск у границы с Литвой в апреле 1940 г., согласно его свидетельству, датированному 1947 г., впоследствии получил транзитные визы. – Ibid., p. 193.

⁴⁹ Полковник М. Рубиковски свидетельствовал, что таких виз было не менее 600. – Levine H. Op. cit., p. 194.

⁵⁰ Письмо Ч. Сугихары Р. Кораб-Жебрыку от 21.07.1967. – АЦХ, ф. 8, оп. 1, д. 53, л. 10–11. Документ приводится с сохранением орфографии подлинника.

курсирующего между портом Владивостоком и японским портом Цуруга на побережье Японского моря, срочные телеграммы, в которых они сообщали о продолжающемся скоплении польских беженских массах”. Однако, “не обращая на это внимание, исходя только из своего чувства гуманизма, из любви к человеку и, при том, предвидя неизбежность увольнения меня из министерства, я все равно продолжал впредь до отхода вместе с семьей берлинского поезда утром 31 августа 1940 г. работу по выдаче виз всем, кто только просил меня из поляков”⁵¹.

Информация, содержащаяся в этом письме, написанном по памяти, нуждается в уточнении: автор несколько преувеличивает как свою роль в выдаче виз (вопреки мнению МИД Японии), так и их количество. Если он начал выдавать визы 11 августа 1940 г., то ни 20 августа, ни даже до отъезда его из Каунаса, как МИД, так и капитан японского корабля, отправляющегося из Владивостока, не могли упрекать Сугихару в самостоятельных действиях. Столь быстро получить разрешение советских властей на в транзит и добраться из Литвы до Владивостока и, тем более, до Японии было невозможно. Во Владивосток и Токио могли попасть только беженцы, которым Сугихара начал выдавать визы ранее – сразу после ввода советских войск в Литву, когда он помог уехать сотрудничавшим с ним польским офицерам.

Исследователи Х. Левин и П. Сакамото практически одновременно и по разным источникам (первый на основе перехваченных американцами телеграмм между Каунасом и Токио; вторая – на основе документов МИД Японии) пришли к одинаковому выводу, что никаких действий по выдаче виз вопреки директивам своего руководства Сугихара не совершал. Он умело и дальновидно сделал несколько запросов в МИД Японии, упирая на то, что беженцам из Польши (и не только евреям) грозят преследования со стороны новых властей. Полученный им ответ от министра иностранных дел Японии Мацуоки от 9 августа 1940 г. в литературе трактуется как отказ, который Сугихара нарушил. Между тем, МИД Японии четко указывал лишь мотивы, по которым нельзя выдавать визы на въезд в Японию: отсутствие денежных средств, транзитных виз и разрешения на въезд в третью страну после прибытия в Японию. Значительная часть беженцев, которым предстоял японский транзит, обладала вполне легальными с точки зрения как японских, так и советских властей документами⁵².

Мотивы и выдающаяся роль Сугихары в спасении евреев от нацистов (меньше, чем через год после отъезда Сугихары Литва была оккупирована нацистами и почти все оставшиеся здесь евреи будут уничтожены), становятся понятнее при анализе позиции Японии в вопросе о выдаче транзитных виз. Подходы японских дипломатов в стране пребывания к выдаче виз не были едины и менялись в зависимости от обстоятельств. Работавший в Риге министр посольства Японии Отака (формально ему подчинялся вице-консул в Каунасе), сначала вообще был против содействия беженцам, в июне 1940 г. выдал всего 12 виз (6 немецким и 2 латышским евреям); еще 2 японских визы беженцы из этих стран получили в июле. По этим визам между июлем и ноябрем 1940 г. 22 еврея были вывезены японскими пароходами из Риги⁵³. Показательно, что посол Японии в Советском Союзе С. Того в 1939 г. в принципе был против выдачи транзитных японских виз. Он не считал, что выдача этих виз улучшит отношения Токио с Москвой⁵⁴. В феврале-марте 1941 г. в столице Швеции Стокгольме японские визы получили всего 190 немецких евреев⁵⁵. Вот почему Х. Левин справедливо указал, что Сугихара делал то, что не делали другие дипломаты в Европе⁵⁶.

⁵¹ Там же, л. 11–12.

⁵² Подавляющее же большинство мемуаристов были уверены, что Сугихара действовал по своей инициативе и считал японского дипломата “своим ангелом”.

⁵³ *Sakamoto P.R.* Op. cit., p. 277–279. Автор считает, что желающих было гораздо больше, и удивляется, почему латышские евреи не добивались выезда.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 274, телеграмма Того в МИД Японии от 10 мая 1941 г.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 270–272.

⁵⁶ *Levine H.* Op. cit., p. 9.

Летом 1940 г. состоялась встреча Сугихары с советскими дипломатами в Литве. Из имеющихся источников не вполне ясно: произошла она до или после ввода советских войск. Скорее всего, такая встреча произошла в конце июля 1940 г. Об этом Сугихара рассказал в интервью американскому корреспонденту в 1985 г., незадолго до своей смерти⁵⁷. Затем эта версия появилась в книге его вдовы Юкико, которая присутствовала на интервью. С ее слов, Сугихара уговорил советского дипломата из консульства выдавать визы на выезд. Причем мгновенно, в ходе одного разговора. Согласно этому свидетельству, советское представительство в Каунасе, располагавшееся неподалеку от консульства Японии, заверило Сугихару в том, что если он выдаст транзитные визы евреям, Советский Союз одобрит статус этих документов и предоставит евреям транзитные визы на передвижение по территории СССР и переезд в Японию.

Транзит еврейских беженцев через СССР в Японию начался еще за полтора года до начала выдачи виз Сугихарой. Правда, число их было незначительным. После начала Второй мировой войны СССР вынужден был решать непростой как с экономической, так и политической точек зрения, вопрос о приеме и транзите беженцев⁵⁸. Изменение позиции СССР по вопросу о беженцах отражено в письме от 21 апреля 1940 г. на имя наркома иностранных дел В.М. Молотова⁵⁹, отправленном его заместителем В.Г. Деканозовым, который прежде всего напомнил наркому, что специализированная советская организация по работе с иностранными туристами (“Интурист”) в декабре 1939 г. просила НКВД организовать транзит через СССР в Палестину около 3 тыс. евреев, “находящихся в Прибалтийских странах”. Первый аргумент Деканозова был сугубо экономическим: СССР может заработать валюту от зарубежных еврейских организаций на сумму 900 тыс. инвалютных рублей (180 тыс. долларов США по официальному курсу в 0,2 руб. за доллар США). Примечательно, что в письме речь шла не только о Литве (беженцы находились также в Риге и Таллинне), а советская сторона имела смутное представление о количестве беженцев. По словам Деканозова, после передачи Литве части Польши число беженцев составило только в этой стране “около 3–5 тысяч”. Деканозов приводил данные “Интуриста”, что в Латвии имеется еще несколько тысяч евреев, желающих проехать транзитом через СССР в Палестину. Транзит лоббировали литовский посланник в Москве Наткевичиус (его правительство готово было заменить польские паспорта беженцев на литовские) и, через советского посла в Лондоне И.М. Майского, верховный раввин Палестины Герцог, который хлопотал о проезде в Палестину Мирской йешивы (духовного училища). Деканозов тактично указывал, что и здесь все расходы будут компенсированы, а “английское правительство поддерживает это дело”. Как видим, весной 1940 г. речь шла только о беженцах с визами в Палестину. Подчеркивалось, что транзит туда через СССР “является не только кратчайшим, но и наиболее безопасным путем следования”. Визы других государств или маршрут через Дальний Восток в письме Деканозова не фигурировали. В конце мая 1940 г. Деканозов (со ссылкой на поручение Молотова) направил почти идентичные письма наркомам морского флота и путей сообщения о предстоящем транзите, с просьбой обеспечить его выполнение (речь шла о перевозке еврейских беженцев в Палестину)⁶⁰. Но выполнение этого поручения началось лишь после вхождения стран Балтии в состав СССР.

“Окончательное решение” о выезде еврейских беженцев из Литвы было принято по инициативе Деканозова, исполнявшего (по совместительству) обязанности совет-

⁵⁷ В статье американского ученого Р. Гамбино, опубликованной 13 апреля 1986 г. в нью-йоркской ежедневной газете “Ньюздэй”, есть ссылка на интервью с Сугихарой и его супругой Юкико, которое провел в 1985 г. в Токио американец Б. Оксли.

⁵⁸ В отчете наркомата путей сообщения за 1940 г. отмечалось, что летом на Ярославском вокзале Москвы ежедневно оставалось до 3000 пассажиров, которые не могли выехать по маршруту Свердловск – Новосибирск – Владивосток. Перевозка беженцев требовала специальных усилий. – РГАСПИ, ф. 83, оп. 3, д. 345, л. 35–36.

⁵⁹ АВП РФ, ф. 012, оп. 2, п. 9, д. 96, л. 114.

⁶⁰ Там же, ф. 0146, оп. 24, п. 227, д. 46, л. 30, 31.

ского представителя в Литве после ввода советских войск в эту страну в середине июня 1940 г. Можно предположить, что решение было принято после встречи с Сугихарой. Поздно вечером 25 июля 1940 г. В.Г. Деканозов и советский посланник в Литве Н.Г. Поздняков телеграфировали по ВЧ в Москву: “В настоящее время в Литве, особенно в городе Вильно, скопилось много беженцев евреев из бывш. Польши. Часть этих беженцев имеет польские паспорта и большая часть из них имеют соф-кондуиты (разрешения на выезд. – И.А.), выданные литовским правительством. Общее число таких беженцев около 800 человек. По социальным категориям это – духовенство, учащиеся религиозных школ, торговцы, адвокаты и другие лица свободных профессий. Эти беженцы имеют родственников в Палестине и Америке, куда они желают уехать. Все они обеспечены соответствующими визами и деньгами. Оставление этих беженцев в Литве нежелательно; поэтому считаем целесообразным срочно разрешить им транзитный проезд через СССР, организовав их отправку по группам в 50–120 человек. Просим указаний”⁶¹.

В этом документе нет ссылок о направлении транзита: японская сторона еще не дала положительный ответ. Авторы шифрограммы намеренно занижают число беженцев (по сравнению с цитированным выше письмом Деканозова Молотову – как минимум, в шесть раз). С другой стороны, цифра 800 могла отражать более – менее точное число тех, кто имел право на выезд до получения виз от Сугихары. Обращает на себя внимание и характеристика профессионального и религиозного состава беженцев.

Решение Политбюро ЦК ВКП(б) последовало 29 июля 1940 г.: “п. 121 – вопрос НКВД. Разрешить находящимся в Литве беженцам-евреям из бывш. Польши транзитный проезд через СССР за границу, организовав их отправку по группам в 50–100 человек. Выписки посланы: тт. Молотову (НКВД), Берия”⁶².

Отметим, что с весны 1940 г. по апрель 1941 г. в судьбах еврейских беженцев прямо или косвенно участвовали почти все лидеры СССР. Помимо И.В. Сталина, которому была адресована шифрограмма Деканозова и Позднякова, в принятие решений были вовлечены 4 члена Политбюро ЦК ВКП(б): глава правительства и нарком иностранных дел В.М. Молотов (в документах НКВД есть его резолюция) и руководитель НКВД Л.П. Берия, нарком внешней торговли А.И. Микоян (в его ведении находился “Интурист”) и нарком путей сообщения Л.М. Каганович, который должен был обеспечить организацию перевозки беженцев по железной дороге от Каунаса до Владивостока; три заместителя наркома иностранных дел: В.Г. Деканозов, А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский. Неоднократно упоминался в документах и руководитель Главного управления государственной безопасности НКВД (с февраля 1941 г. – нарком госбезопасности) В.Н. Меркулов.

Какими же мотивами руководствовалась советская сторона, разрешив транзит через свою территорию? Канадский историк М. Марус считает, что Советский Союз в конце 1930-х годов вместо приема еврейских беженцев занял позицию избавления от них⁶³. По мнению американских дипломатов в Москве, причина разрешения крылась в сложностях для СССР ассимиляции беженцев, прежде всего, религиозных евреев. Поэтому и была проведена столь неожиданная акция. Наконец, это был вопрос денег – СССР была нужна твердая валюта⁶⁴. Эту же точку зрения еще в середине 1970-х годов высказала израильский исследователь Д. Порат⁶⁵. Авторы воспоминаний также считают, что финансовая сторона сыграла в этом вопросе решающую роль.

Одним из инициаторов изменения позиции СССР действительно выступил “Интурист” (это формально акционерное общество подчинялось Наркомату внешней торговли

⁶¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 166, д. 627, л. 92.

⁶² Там же, оп. 162, д. 28, л. 62.

⁶³ *Marrus M.* The Holocaust in History. London, 1987, p. 173.

⁶⁴ *Sakamoto P.R.* Op. cit., p. 262–263.

⁶⁵ *Порат Д.* Условия и причины выдачи советских транзитных виз беженцам из Польши. – Швут, 1979, № 6, p. 66 (на иврите).

СССР). Накануне Второй мировой войны “Интурист” решил активизировать свою работу с потенциальными клиентами-жертвами нацистской политики. После ее начала именно еврейские беженцы стали едва ли не главными клиентами “Интуриста” на территории СССР. Их число определялось в 40 тыс. человек⁶⁶. В “Экономическом обзоре о деятельности ВАО “Интурист” за 1940 г. (не позднее 24 марта 1941 г.)⁶⁷ отмечалось, что “в конце декабря 1940 г. (с 18.12) через Москву начал проходить поток иностранных транзитников эмигрантов из Литовской ССР. Это в подавляющем своем количестве евреи-беженцы из Польши... Едут они, в основном, на Владивосток”⁶⁸.

В Отчете о работе ВАО Интурист за 1941 г. (составлен не ранее 13 февраля 1942 г.) отмечалось, что “СССР с начала войны на Западе явился единственной страной, через которую следовал большой поток транзитных пассажиров... Основной контингент иностранцев, которые были обслужены в 1-м полугодии, состоит из иностранных транзитных пассажиров, значительное количество которых нужно отнести за счет эмигрантов из Прибалтийских республик”. Их проездом занималось организованное в Каунасе “специальное бюро Интуриста, которое продавало эмигрантам на иностранную валюту туристическое обслуживание” и билеты на проезд. За счет еврейских беженцев поступления от продажи билетов в 1940 г. по сравнению с 1939 г. выросли в 3 раза⁶⁹. Только от транзитных пассажиров из Литвы в 1940–1941 гг. поступило 509 300 инвалютных рублей⁷⁰.

Был ли экономический фактор решающим в этом, казалось бы, сугубо гуманитарном вопросе? При назначении П.А. Судоплатова 10 мая 1939 г. на должность заместителя начальника внешней разведки НКВД Л.П. Берия сказал ему: “наша разведка должна сопровождать акции и действия советской дипломатии”⁷¹. В этот период произошло разграничение полномочий советской военной разведки, которая перешла в ведение наркомата обороны, и внешней разведки органов государственной безопасности. Важнейшей задачей Иностранного отдела (ИНО) НКВД стало создание агентуры за рубежом⁷².

Как прежняя должность В.Г. Деканозова (до назначения в НКВД в мае 1939 г. он возглавлял внешнюю разведку НКВД), так и административный ресурс, связанный с его новым назначением летом 1940 г. (“по совместительству” он стал советским наместником в Литве), позволяют объяснить некоторые мотивы действий советской стороны, согласившейся на масштабный проезд беженцев через территорию СССР.

Уже в первых абзацах письма Деканозова дважды упоминается согласование этого вопроса с НКВД. Еще в 1939 г. заместитель Наркома внутренних дел, начальник Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД СССР В.Н. Меркулов предложил провезти беженцев по территории СССР “в специальных составах в сопровождении работников охраны” очевидно, чтобы свести до минимума контакт с местным населением. В апреле 1940 г. НКВД снова не возражал против транзита, на что указал в письме Молотову Деканозов⁷³. В последующих документах чекистское ведомство, тесные связи с которым у Деканозова несомненно сохранялись, было деятельным фигурантом дипломатической переписки о транзите беженцев.

Для советских спецслужб открывались заманчивые перспективы по внедрению своей агентуры по всему миру. О том, что вербовка выезжающих из СССР беженцев была обычным приемом органов безопасности, косвенно указывает Судоплатов, рассказывая

⁶⁶ РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 2806, л. 22, справка о работе Иностранного управления Наркомвнешторга от 7 июля 1939 г.

⁶⁷ ГАРФ, ф. Р-9612, оп. 1, д. 66, л. 3–12, 15–22, 47, 49.

⁶⁸ Там же, л. 10.

⁶⁹ Там же, оп. 2, д. 117, л. 33. Акт передачи дел руководителя АО “Интурист” Синицына.

⁷⁰ Она была составлена 15 июня 1944 г. за подписью Начальника Иностранного отдела Правления ВАО “Интурист” Демещенко. – Там же, д. 109, л. 4–5.

⁷¹ Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2003, с. 12.

⁷² Там же, с. 20, 24–25.

⁷³ АВП РФ, ф. 012, оп. 2, п. 9, д. 96, л. 114–115.

о вербовке тех лиц, кто по обмену гражданами переселялся из СССР в Германию в 1939–1940 гг.⁷⁴

Насколько эта версия подтверждена документально? Подававшие документы на выезд из СССР беженцы заполняли подробные анкеты с указанием родственников как за границей, так и на советской территории. Наряду с намеками (а иногда и угрозами), что выдача выездных документов зависит от подписки о сотрудничестве, мы встречаем в научной литературе и у мемуаристов неоднократные прямые свидетельства, что в ходе собеседований по получению виз осуществлялась вербовка, причем, не только евреев. Эта информация быстро стала известна представителям стран, куда были намерены въехать беженцы⁷⁵.

Посол США в Москве Л. Штейнхард на основе собеседований с беженцами пришел к выводу, что от 10 до 20% рекомендованных на получение виз – агенты НКВД. Об этом он писал 9 января 1940 г. в Государственный департамент США⁷⁶. Некоторые из лиц, согласившихся на контакт с НКВД, были в дальнейшем арестованы в США за шпионаж⁷⁷.

Сколько же виз выдал японский дипломат и сколько людей въехало по ним в Японию? Обычно называется цифра в 6 тысяч. Это почти в 3 раза больше, чем указал Сугихара 4 февраля 1941 г., отвечая на запрос японского МИД (там фигурирует 2139 человек за период с 9 июля по 31 августа 1940 г., в том числе 7 советских граждан, получивших визы после включения Литвы в СССР)⁷⁸. Однако Х. Левин считает, что список, представленный Сугихарой в ответ на запрос в МИД Японии в начале февраля 1941 г., не полон: якобы дипломат не мог вести его в Ковно. Но этот аргумент легко опровергнуть. Министр иностранных дел Японии попросил Сугихару выслать список 4 февраля 1941 г. и на следующий день список был отправлен. С учетом разницы во времени, на отправку ушло менее суток. Значит, список или анкеты выезжавших, по которым он был быстро составлен, существовали. Сугихара в сопроводительном письме упоминал 1500 евреев из 2132 выданных им виз литовским и польским гражданам. Левин считает, что трудно установить число “забытых” Сугихарой виз⁷⁹, чтобы не поставить под сомнение правомочность своей работы (в чем его, кстати, никто из начальства не упрекал) и предлагает иметь в виду фальшивые визы, изготовленные после отъезда Сугихары. Он утверждает, что Сугихара помог, как минимум, 10 тыс. человек, но доехали до Японии и спаслись не более половины этого числа⁸⁰.

С этими выводами, даже с учетом использования поддельных паспортов и виз, сложно согласиться. Выехать из СССР в Японию можно было только через Владивосток. Не менее трети еврейских беженцев составляли необремененные семьями студенты йешив; многие молодые сионисты были одиноки или не имели детей. Нидерландский консул в Каунасе подписал не более 1 400 разрешений на въезд на Кюрасао⁸¹. В августе 1940 г. из Иерусалима было получено 200 сертификатов на проезд в Палестину через Владивосток⁸². На 17 ноября 1940 г., по данным Варгафтика, в Литве оставалось около 1500 беженцев с японскими визами и визами на Кюрасао и Суринам. Еще 1000 беженцев имели визы в Палестину или гарантийные письма британского консульства, но не имели виз на въезд в Японию либо какую-нибудь другую страну. Несколько десятков

⁷⁴ Судоплатов П.А. Указ. соч., с. 104.

⁷⁵ Levine H. Op. cit., p. 298.

⁷⁶ Sakamoto P.R. Op. cit., p. 303–304. Возможно, из-за подобных опасений даже семья Эрлих-Дубновой не получила визу в США.

⁷⁷ Pollack H. Op. cit., p. 166.

⁷⁸ В 1967 г. Сугихара называл в письме польскому историку цифру 3500, из которых евреев – лишь 500. – АЦХ, ф. 8, оп.1, д. 53, л. 12.

⁷⁹ Levine H. Op. cit., p. 285.

⁸⁰ Ibid., p. 7, 285–286.

⁸¹ По словам консула Яна Звартендьюка, было выдано 1200–1400 виз, но он писал об этом в 1967 г. по памяти. – Warhaftig Z. Op. cit., p. 107.

⁸² Ibid., p. 125.

беженцев были в процессе оформления документов⁸³. В японском посольстве в Москве в первом квартале 1941 г. было выдано лишь 2 транзитные визы; еще 431 человек могли выехать по визам, выданным в Каунасе⁸⁴.

Сопоставим эти данные со сведениями “принимающей стороны”. Массовый въезд еврейских беженцев в Японию проходил с осени 1940 до весны 1941 г. По данным МИД Японии, между январем 1940 г. и мартом 1941 г. транзитные визы в Европе получили 5580 чел. Но на 5 апреля 1941 г. 2 500 из них еще не доехали до Страны восходящего солнца⁸⁵. В МИДе Японии до февраля 1941 г. не знали, сколько же всего виз выдано беженцам из Литвы. Было известно, что въехало примерно 3000 человек (в переписке фигурировала цифра 2888). Лишь в этот период сотрудники МИД поняли, что часть прибывающих из Литвы беженцев имеет проблемы с деньгами при въезде в Японию, а у не менее 1000 беженцев – неясные перспективы дальнейшего транзита.

Какие же цифры называют советские источники? Отчеты и справки “Интуриста” важны для определения числа беженцев, которые проследовали транзитом через СССР в Японию с визами Сугихары. 14 декабря 1940 г. председатель ВАО “Интурист” А.С. Синицын информировал руководителей своей организации о “перевозке эмигрантов из Литвы”⁸⁶. Предполагалось в следующем году перевезти 4 тыс. чел., в том числе “на Дальний Восток через Владивосток” – 2 тыс. 500 чел. (еще 1500 чел. через Одессу – Варну – Стамбул) в Палестину. Отмечалось, что “эмигранты концентрируются, главным образом, в Каунасе”, откуда они выезжают в Москву за получением “иностранных въездных и транзитных виз”⁸⁷. Ожидался приезд 1250 чел. в месяц, половина из которых должна была выезжать во Владивосток 2 раза в неделю (8–9 поездов). Всего ожидалось 500 таких пассажиров в месяц.

В экономическом обзоре о деятельности ВАО “Интурист” за 1940 г. называется число беженцев из Литвы, проследовавших транзитом во Владивосток в 1940 г.: 1472 чел.⁸⁸ Среди них – 242 иностранца, которые надеялись получить въездные визы в расположенных в СССР консульствах иностранных государств. Таким образом, скорее всего, 1230 беженцев имели визы, выданные Сугихарой⁸⁹.

В Отчете о работе ВАО Интурист за 1941 г. указано, что только за январь–февраль 1941 г. было перевезено в направлении на Владивосток до 1,5 тыс. транзитных пассажиров⁹⁰. Отметим, что в 1941 г. из Латвии и Эстонии транзитников не было⁹¹.

Следовательно, с начала 1940 по февраль 1941 г. из Литвы в СССР выехало около 3 тыс. человек. Эти данные подтверждает “Справка о количестве иностранных туристов посетивших СССР в 1936–1941 гг.” с указанием поступлений в валюту. Из Литвы в 1940–1941 гг. выехало, в частности, через Одессу, 3228 человек⁹².

Еще один фактор, важный для учета беженцев – выяснение вопроса о числе фальшивых виз. До 25 января 1941 г. все беженцы, не имевшие документов на выезд, должны были получить советское гражданство. Это стало последней датой, когда можно получить документы на выезд. В годы Второй мировой войны обычный контроль за подлинностью выездных и въездных документов заметно ослаб. Это было связано и с субъективными факторами и с возросшими потоками беженцев. При оценке деятельности Сугихары в Каунасе и реакцию на него советской стороны этот фактор также

⁸³ Ibid., p. 116.

⁸⁴ Sakamoto P.R. Op. cit., p. 270–272.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ ГА РФ, ф. Р-9612, оп. 1, д. 59, л. 159–161.

⁸⁷ Там же, л. 160. Теперь это одна из лучших в Москве гостиниц “Балчуг Kempinski”, расположенная напротив Кремля.

⁸⁸ Там же, д. 66, л. 5.

⁸⁹ Там же, л. 15.

⁹⁰ Там же, оп. 2, д. 109, л. 4–5.

⁹¹ Там же, л. 5.

⁹² Там же, л. 4–5, датировано 15 июня 1944 г.

нельзя игнорировать. В условиях, когда получить нужные выездные документы было почти невозможно, организаторы отъезда беженцев прибегали к различным ухищрениям. Нередко действовать приходилось нелегально, изготавливать фальшивые документы, ибо еще до ввода советских войск в Литву особые проблемы доставляли перебои с трансферами денег из Иерусалима⁹³. Подделка виз продолжалась и после отъезда основной массы беженцев. Самые осторожные беженцы опасались высылки в Сибирь и активизировались лишь в конце 1940 – начале 1941 г. Бывший посол Польши в Японии Ромер, занимавшийся приемом беженцев из Польши, вспоминал, что однажды прибыло 30 человек с поддельными визами на одно и то же имя: Якуб Гольдберг⁹⁴.

По мнению беженцев, советские власти также знали об этой нелегальной деятельности и “смотрели на нее сквозь пальцы”. Но это не совсем так. О масштабах изготовления японских фальшивых виз в Каунасе уже “в советский период” свидетельствуют несколько следственных дел, заведенных в начале 1941 г. НКВД Литвы⁹⁵.

С фальшивыми визами была связана угроза нового конфликта, которая заметна в дипломатической переписке и советско-японских переговорах в начале февраля 1941 г. 1 февраля в здании НКВД СССР в Москве на Кузнецком мосту заведующий консульским отделом НКВД Г.Н. Зарубин в беседе с секретарем японского посольства Сайто сообщил, что в течение ближайших 2–3 месяцев из СССР в страны Америки или Палестину выезжает группа беженцев. Все они имеют “транзитные визы б. японского консула в Каунасе”. Советский дипломат, ввиду большого скопления беженцев во Владивостоке, просил об их выезде 700–800 чел. поездами через Манчжоу-Го с оформлением транзитных виз после пересечения советской границы. Сайто, вежливо обещая “всяческое содействие в благоприятном” решении этого вопроса, одновременно впервые предупредил советскую сторону, что “японское правительство, а также правительство Манчжоу-Го разрабатывает сейчас мероприятия по сокращению транзитного проезда через их страны беженцев”. Один из заданных Сайто вопросов косвенно объясняет причину беспокойства: он интересовался, нет ли среди них людей с советскими паспортами, либо советских граждан? На что Зарубин ответил отрицательно. Через три недели, 22 февраля 1941 г. в беседе по телефону Сайто спросил Зарубина, “все ли эти эмигранты являются евреями” и намекнул на ограничения третьих стран на въезд беженцев. Зарубин ответил, что “в числе эмигрантов, едущих транзитом на Дальний Восток и далее, имеются лица различных национальностей, но подавляющее большинство из них – евреи”.

Впервые в ходе переговоров японский дипломат упомянул о неизвестных советской стороне якобы принятых государствами Южной Америки и Англией мерах по сокращению числа эмигрантов и наличии для них “особых пропусков”⁹⁶. Вопрос о проезде через Манчжоу-Го завис и так и не был решен. Между тем, во Владивосток прибывали все новые поезда с беженцами.

События стали принимать драматический оборот. 13 марта 1941 г. пароход “Амакуса-мару” прибыл в порт Кобе, где японские власти не разрешили высадиться на берег 74 из 416 беженцев и приказали капитану судна отправить их обратно во Владивосток. При этом, во Владивостоке было дано указание впредь таких пассажиров не направлять в японские порты. Более того, капитан отказался принять для очередного рейса “группу эмигрантов 100 чел.”⁹⁷ – очевидно, такое количество сверх нормы отправлял “Интурист”. 18 марта 1941 г. пароход “Амакуса-мару” вернулся во Владивосток, где капитан попытался высадить на берег 74 пассажира-беженца⁹⁸. Однако, советские власти

⁹³ Warhaftig Z. Op. cit., p. 130.

⁹⁴ Заметки, 2009, № 2.

⁹⁵ Особый архив Литвы, ф. К-1, оп.58, следственные дела 31778/3; 37504/3; Р-12661; Р-70701; Р-12757.

⁹⁶ АВП РФ, ф. 0146, оп. 24, п. 227, д. 46, л. 29, 30, 39–40.

⁹⁷ Там же, л. 86.

⁹⁸ П. Сакамото отмечает, что их число по разным источникам составляло 72, 74 или 80 человек. Документы российских архивов позволяют внести ясность в этот вопрос.

разрешили спустить на берег лишь представителей беженцев “для переговоров с американским консулом во Владивостоке о выдаче им американских виз”. На следующий день, 19 марта, заместитель заведующего консульским отделом Беляев по указанию заместителя наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовского⁹⁹ вызвал 3-го секретаря Японского посольства в Москве Хироока “и запросил объяснений последнего, а также принятия надлежащих мер, чтобы всем эмигрантам, имеющим японские визы, была предоставлена возможность продолжить свой путь к месту назначения”¹⁰⁰.

Создавалась тупиковая ситуация. Ее решение во многом зависело от и.о. японского генконсула во Владивостоке Сабура Нэя¹⁰¹. Личность этого незаслуженно забытого большинством историков дипломата, соученика Сугихары по лицею в Харбине, позволяет выявить общие черты в их деятельности по спасению беженцев. У всех беженцев не было иных виз, кроме выданных Сугихарой. Американский коллега отказался брать на себя ответственность. И тогда Ней на свой страх и риск выдал японские визы. Действия японского консула вызывают особое уважение на фоне жесткой позиции, которую неожиданно занял МИД Японии¹⁰².

О дальнейшем развитии событий сообщают как советские, так и японские источники. Действия советских властей, включая игнорирование элементарных норм безопасности, переполнили чашу терпения японцев. 26 марта представитель МИД Японии Нарита вызвал 1-го секретаря полпредства Г. Долбина и заявил строгий протест по поводу того, что советские власти во Владивостоке отказались принять обратно 74 беженцев. Представитель МИД заявил, что с очередным пароходом во Владивосток будет возвращено 8 эмигрантов и просил не направлять их обратно в Японию. К этому Нарита добавил, что впредь на японские пароходы будут допускаться только те эмигранты, которые на своих паспортах будут иметь особую отметку японского консула во Владивостоке. В свою очередь Японское посольство нотой от 26 марта 1941 г. информировало об этом НКВД.

В ходе переговоров японских и советских дипломатов произошел курьезный эпизод. 26 марта 1941 г. во время встречи с Беляевым Сато “полусерьезно сказал – а, может быть, советские власти разрешат этим лицам поселиться в Биробиджане, они помогли бы выполнению там плана”. Беляев ответил, “что во-первых, эти лица (беженцы. – И.А.) не ставят этого вопроса. А во-вторых, Биробиджан не нуждается в чьей-то ни было посторонней помощи для выполнения своего плана”. О важности этой беседы свидетельствует тот факт, что копии ее записи были отосланы Молотову, Вышинскому, Лозовскому и другим высокопоставленным сотрудникам НКВД¹⁰³.

В справке НКВД, датированной 29 апреля 1941 г., говорится о дальнейшем развитии событий. Во Владивостоке “скопилось 135 чел. эмигрантов, которые ждут своей отправки в Японию”. Из них японскую визу имели, по разным данным, от 85 до 98 чел., а “35 чел. не имеют никаких виз и 13 чел. имеют поддельные паспорта”. Ситуация требовала немедленно решения на самом высоком уровне. 28 марта 1941 г. нарком внешней торговли А.И. Микоян обратился к В.М. Молотову с просьбой решить проблему¹⁰⁴.

Как видно из Справки НКВД, вопрос решился только после советского демарша. 1 апреля представитель НКВД заявил: “мы категорически настаиваем на том, чтобы все

⁹⁹ С.А. Лозовский (1878–1952) с мая 1939 г. курировал в НКВД дальневосточное направление.

¹⁰⁰ АВП РФ, ф. 0146, оп. 24, п. 227, д. 46, л. 86.

¹⁰¹ С. Нэй учился на класс позже Сугихары в русско-японской школе в Харбине, и они должны были знать друг друга. Кадровый дипломат и специалист по России, он, также как и Сугихара, был уволен из МИД Японии после Второй мировой войны.

¹⁰² *Sakamoto P.R.* Japanese diplomats and Jewish refugees. A WW2 dilemma. Westport, 1998, p. 317. На наш взгляд, действия С. Нэя могут быть основанием для присвоения японскому дипломату звания Праведника Народов Мира.

¹⁰³ АВП РФ, ф. 0146, оп. 24, п. 227, д. 46, л. 58–59.

¹⁰⁴ Там же, л. 61.

эмигранты, находящиеся в настоящее время во Владивостоке и имеющие транзитные визы японского консула, были вывезены в Японию на ближайшем пароходе”. Это принесло результат.

9 апреля дипломатический агент НКВД во Владивостоке сообщил, что все эмигранты, имевшие японские визы, выехали в Японию¹⁰⁵.

Как же советской стороне удалось переломить ход событий? Думается, что решающим фактором стало стремление японской стороны подписать договор о нейтралитете (он был заключен 13 апреля 1941 г.). И об этом инициатор договора министр иностранных дел Мацуока не мог не поделиться с послом в ходе остановок в Москве на пути в Берлин. Очевидно, что по отношению к беженцам в японском МИДе не было единой позиции. И здесь жесткая позиция СССР и весь его опыт по отношению к невозврату выезжающих беженцев-иностранцев позволили добиться результата.

Вернемся к нашему герою. Сугихара выехал из бывшей столицы Литвы с ностальгическим настроением: “Ровно через год, т.е. 31 августа 1940 г., мне пришлось закрыть консульство по предложению Министерства Литовской новой власти. 31 августа я со всем консульским имуществом, делами и семьей, уехал из Ковно – города, памятного для меня (там родился у меня третий сын, покойный)”¹⁰⁶.

Впечатляющими были и результаты аналитической и разведывательной работы Ч. Сугихары накануне нападения Германии на СССР. После завершения миссии в Каунасе он получает новое назначение – в Германию.

После недолгого пребывания в Берлине, он отправляется в Прагу, а затем (в марте 1941 г.) – в Кёнигсберг, где открыл консульство 1 мая. Среди спасенных им евреев были и те, кто получил визы в японском консульстве в Кёнигсберге¹⁰⁷. Как минимум, одна семья из этого города весной 1941 г. проехала в Японию через СССР¹⁰⁸.

Но основная цель его прибытия в Кёнигсберг была иной. Сохранились отчаянные рапорты начальника полиции Восточной Пруссии в Берлин с требованиями отозвать японского дипломата, который регулярно выезжает на берег Балтийского моря, фиксирует перемещение военных кораблей, войск и отмечает факт эвакуации детей¹⁰⁹. Именно из Кёнигсберга 9 мая 1941 г. Сугихара отправил телеграммы в Токио и послу Японии в Москве, в которой утверждал, что война СССР и Германии неизбежна. В 10 пунктах он сообщал о движениях войск и других событиях по обе стороны границы (в частности, о концентрации советских войск в районе Орла и Смоленска). Телеграмма была перехвачена американскими спецслужбами (расшифровка, сделанная после 1942 г., хранится в Национальном архиве США)¹¹⁰. Советским спецслужбам, как показано выше, повезло больше – согласно воспоминаниям П.А. Судоплатова, вся дипломатическая переписка японского посольства была доступна советской контрразведке¹¹¹.

Можно предположить, что и информация Сугихары о дате начала войны (как и сообщения советского разведчика в Токио Р. Зорге) попали в поле зрения советского руководства, но не были по достоинству оценены.

После начала войны Германии с СССР пребывание в Восточной Пруссии утратило первоначальный смысл. Осенью 1941 г. Сугихара получил назначение на должность атташе посольства Японии в столицу Румынии. 12 сентября 1941 г. он с семьей выехал в Анкару, а 21 декабря 1941 г. прибыл в Бухарест¹¹².

Здесь, вместе с женой, тремя детьми и сестрой жены, Сугихара и был интернирован советскими военными властями. О месте и времени его интернирования, а также

¹⁰⁵ Там же, л. 88–89.

¹⁰⁶ Письмо Сугихары Кораб-Жебрыку от 21.07.1967 г. – АЦХ, ф. 8, д. 53, л. 3 (копия).

¹⁰⁷ Levine H. Op. cit., p. 5.

¹⁰⁸ Pollack H. Op. cit., p. 143.

¹⁰⁹ Levine H. Op. cit., p. 274; Sugihara Y. Op. cit., p. 62–64.

¹¹⁰ Sugihara S. Chiune Sugihara and Japan Foreign Ministry..., p. 108–109.

¹¹¹ Судоплатов П.А. Указ. соч., с. 32.

¹¹² Levine H. Op. cit., p. 274–275.

о пребывании в лагерях на территории СССР в литературе сообщается весьма скупо и не всегда достоверно. Наиболее точно об этом свидетельствуют документы российских архивов – ГАРФ и РГВА. В отношении заместителя министра иностранных дел СССР Я.А. Малика и.о. уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации генерал-лейтенанту К.Д. Голубеву от 6 ноября 1946 г. (копия была направлена заместителю министра внутренних дел СССР В.В. Чернышеву) сообщалось, что “в настоящее время в румынских лагерях для интернированных находится 17 человек бывших работников японской дипломатической миссии и консульств в Румынии”. МИД СССР и МВД СССР не возражали против отправки этих 17 японцев на Родину через территорию СССР” (упоминался порт Находка) “для последующей переправки в Японию с первой партией репатрируемых японских военнопленных”¹¹³.

25 ноября 1946 г. Сугихара, его семья и другие японские дипломаты прибыли в Одессу. Их путь на родину длился еще долгих 4 месяца... Начальник отдела по репатриации иностранных граждан полковник Гаврилов 28 ноября 1946 г. направил начальнику ГУПВИ МИД Союза СССР генерал-лейтенанту М.С. Кривенко и начальнику погранвойск Союза СССР генерал-лейтенанту Н.П. Стаханову именной список на 17 человек – бывших работников японской дипмиссии в Румынии (список был составлен 27 ноября 1946 г.). В нем значатся не только дипломаты, но их жены и дети. Под номерами 3–7 числились “Сугихара (так в тексте. – И.А.) Чиуне, 1900 года рождения, секретарь японского посольства в Румынии; его жена Юкико, 1913 г.р., сыновья Хи-рохи, 1936 г.р., Чиаки (1938 г.р.), Харуки, 1940 г.р.”. Везде фамилия семьи дипломата указана с ошибкой. В состав его семьи входила и Кикучи Сецуко, 1921 г. рождения, сестра его жены Юкико (указана под № 8)¹¹⁴.

До 11 декабря 1946 г. дипломаты и их семьи оставались в Одессе, в транзитном лагере № 186¹¹⁵. Из учетных карточек “на союзных интернированных граждан, освобожденных Красной Армией” на жену Сугихары и его детей (по непонятным причинам карточка на самого нашего героя отсутствует) следует, что они были отправлены в Находку пассажирским поездом именно 11 декабря 1946 г.¹¹⁶ Судя по документам, дорога до порта отправки – Владивостока заняла три месяца, вместо, максимум, двух недель. Скорее всего, Чиуне с семьей был задержан в Москве. В любом случае, в столице СССР он оказался в конце 1946 г. и далее следовал тем же транссибирским экспрессом, что и еврейские беженцы... Лишь 13 марта 1947 г. семья Сугихары оказалась во Владивостоке¹¹⁷. Символично, что Сугихара покидал СССР именно через тот же порт, откуда за шесть лет до этого выезжали с его визами еврейские беженцы.

Он пробыл во Владивостоке еще 10 дней. На Дальнем Востоке рукописи, финансовые документы и переписка дипломата дважды подвергались конфискации. На таможене Владивостокского порта при посадке на пароход “Новосибирск” у него изъяли книгу “Россия” на английском и немецком языках и 7 блокнотов с различными записями¹¹⁸. Это произошло 23 марта 1947 г. В тот же день в Дальнем у него была изъята “служебная переписка на румынском, немецком, японском и французском языках – 1 конверт; личная переписка, денежные расписки и счета на русском и румынском языках”¹¹⁹.

¹¹³ ГАРФ, ф. 9526, оп. 6, д. 306, л. 142.

¹¹⁴ Там же, л. 224.

¹¹⁵ РГВА, ф. 450п, оп. 7, д. 1, л. 227.

¹¹⁶ В картотеке РГВА Юкико Сугихара была зарегистрирована под номером 5959. Прибыла в комендатуру лагеря 25.11.46 г. из Бухареста. Ее дети зарегистрированы под номерами 5960–5962. Можно предположить, что сам Сугихара был зарегистрирован под № 5958. Старший сын (место его рождения указано Токио, Япония) расписался по-английски сам. А вот за младших детей (у шестилетнего Харуки местом рождения указана Прага, а не ставший советским Кёнигсберг) подпись на английском языке, скорее всего, четким почерком по-английски сделал сам Чиунэ.

¹¹⁷ ГАРФ, ф. 9526, оп. 6, д. 402, л. 28.

¹¹⁸ Там же, л. 29.

¹¹⁹ Там же.

После возвращения на родину Сугихара был уволен из японского МИД. При этом он получил компенсацию в 7 605 йен и небольшую пенсию. Версию своего увольнения (она чаще всего используется в литературе) бывший дипломат изложил в упомянутом письме в Варшаву 21 июля 1967 г.: “Весной 1947 года я с семьей репатриировался из Румынии в Японию. На приеме у зам. министра иностранных дел мне было сразу заявлено, что я уволен. О поводе увольнения мне ничего при этом не пояснял, но, как я позже узнал, это решение министра было мотивировано моими действиями по выдаче ... виз польским гражданам без разрешения министра”¹²⁰.

Судя по данным японских биографов, затем он два года работал почтовым менеджером американских оккупационных войск, еще два года – в американской коммерческой фирме. С апреля 1954 г. – профессор университета св. Николая. С мая 1956 по 1960 г. работал в агентстве науки и технологии. Переводил литературу с русского, немецкого, французского и английского, а также коммерческие каталоги японских фирм для России. С 1957 по 1959 г. работал в международной секции Японского телерадиовещания¹²¹. Сугихара так описывает свою судьбу после завершения карьеры дипломата: “После увольнения от министерства я работал в разное время в институтах языков; в русской редакции токийского центрального радиокомитета; занимался переводами экономических материалов и технических каталогов машин с японского на русский язык. С 1964 года¹²² работаю в торговой, импортно-экспертной фирме в качестве ответственного за организацию импорта, нахожусь в Москве. За этот период ездил домой в Японию два раза на короткие сроки”¹²³.

По данным японских и зарубежных биографов, Сугихара работал в Москве с мая 1960 г., возглавлял представительство “Каваками Трэйд компани”. В Москве проживал в расположенной на ул. Горького гостинице “Минск” (ныне она снесена), жил в номере № 821. Его служебный офис находился в более престижной гостинице “Украина” (комната 869)¹²⁴.

Находясь в Москве (а, возможно, оформляя документы на рабочую визу) бывший интернированный японец предпочел использовать второй вариант своего имени и фамилии. В письме в Варшаву он сообщал своему корреспонденту: “В настоящее время я расписываюсь: Сэмпо Сугивара. Поэтому прошу в будущем, когда вы будете мне писать, брать именно это чтение”. Впрочем, в советских документах этого периода встречаются оба варианта написания его имени и фамилии.

С ноября 1964 по май 1965 г. Сугихара представлял также в СССР японскую “Чори компани”; с октября 1965 до 1975 г. работал в бюро “Кокусай Коеки компани” в Москве¹²⁵.

Имя “Темпо Сугивары” (иногда – “Сугихары”) чаще всего встречается в журнале учета делегаций и отдельных специалистов из капиталистических стран, принимаемых в Минхимлегпроме СССР за 1965 г.¹²⁶ Сохранились некоторые “Протоколы встреч и записи бесед, проводимых в Минхимпроме СССР” за 1965 г. с участием Сугихары. Он участвовал в них как представитель “Тохо Буссан”. Судя по всему, бывший японский дипломат был готов обсуждать с советскими партнерами широкий круг возможных поставок оборудования и закупок сырья, готовил почву для переговоров с руководителями

¹²⁰ Письмо Р. Кораб-Жебрыку от 21.07.1967. – АХЦ, ф. 8, д. 53, оп. 1, л. 13 (копия).

¹²¹ Decision of love. Chiune Sugihara. A diplomat who was born in Yaotsu town. Yaotsu, 1998, p. 13.

¹²² АХЦ, ф. 8, д. 53, оп. 1, л. 13. Так в тексте. Если это не опечатка, то, возможно, до 1964 г. пребывание автора в Москве не носило постоянный характер. Не удалось выявить его имя ранее осени 1964 г. в журналах учета встреч иностранных бизнесменов с советскими чиновниками.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Сведения об этом мы находим в переписке Р. Кораб-Жебрыка с японскими дипломатами в Варшаве. – Там же, л. 3.

¹²⁵ Decision of love..., p. 13.

¹²⁶ РГАЭ, ф. 459, оп. 5, д. 52, л. 4, 7, 8, 13, 16, 17, 22–25, 27, 37 47, 60.

японских фирм¹²⁷. 1 ноября 1965 г. Сугихара перешел на работу в новую фирму, в связи с реорганизацией прежней.

Из документов сложно сделать вывод, насколько успешной была коммерческая деятельность Сугихары в Москве. Советские чиновники были весьма осторожны; сдержанно реагировали на закупку новых технологий, хотя и активно интересовались ими, не стремились реализовывать взаимовыгодные предложения. Но факт, что в течение 10 лет Сугихара представлял в Москве как крупные, так и мелкие торговые фирмы Японии, говорит как о его профессионализме, так и достигнутых им успехах в работе.

Во время отпусков и командировок в Японию бывший дипломат узнал, что о его подвиге помнят в Израиле. В эту страну Сугихару пригласили только в 1969 г. по инициативе спасенного им министра по делам религии Израиля З. Варгафтика. Тогда же его наградили высокой правительственной наградой (вопрос о присвоении ему звания Праведника Народов Мира был решен лишь спустя 15 лет, когда члены комиссии согласились с аргументом, что Сугихара действовал вопреки инструкциям МИД и именно из-за этого был уволен с дипломатической службы). В ходе визита Сугихары в Израиль был решен важный для семьи бывшего дипломата вопрос: его сын Нобуки поступил и впоследствии успешно окончил Еврейский университет в Иерусалиме.

Работа бизнесмена, казалось бы, приносила Сугихаре полное удовлетворение. Однако 67-летний японец мечтал о возобновлении карьеры дипломата. Привыкший к фантастическим переменам в своей судьбе, он обращается к Р. Коробу-Жебраку с просьбой: “Так как я горю желанием вновь вернуться к работе дипломата, не можете ли вы использовать влияние ваше и Ваших друзей польского министра иностранных дел, а через него польского посла в Токио, чтобы польское правительство сделало в соответствующей форме активное предложение японскому министерству назначить меня на пост японского посланника, т.е. второго лица посольства после посла, если не на пост самого посла, именно в столицу Польской Республики, сроком на года 3”¹²⁸.

Увы, возвратиться на дипломатическую службу ему не удалось. С 1974 г., завершив работу в Москве, Сугухара жил с семьей в Японии. Здесь он и умер 31 июля 1986 г. В церемонии вручения звания Праведников Народов Мира, присвоенного ему полутора годами ранее, он не смог участвовать по состоянию здоровья.

Нашему герою посвящены сотни статей в популярных зарубежных изданиях, страницы в школьных учебниках. Документы и фотографии японского дипломата находятся в экспозициях всех музеев мира, посвященных теме Холокоста. На родине ему посвящены два музея; создан Мемориальный парк “Человечность” с бюстом Сугихары в его родном городе Йоцу; открыта постоянная выставка в здании МИД Японии¹²⁹. В Литве открыт Дом-музей его имени в Каунасе; в Вильнюсе установлен памятник и назван проспект. Весь мир объехала документальная выставка “Визы на жизнь”, где деятельности Сугихары отводится центральное место. В 1998 г. в Израиле вышла посвященная ему почтовая марка; в Китае – почтовая открытка. В Японии, Израиле, Швеции, Польше¹³⁰ выпущены документальные фильмы о японском дипломате (американский фильм “Сугихара: заговор доброты” получил в 1998 г. “Оскар”). Израиль и Польша удостоили дипломата высоких правительственных наград. Надеемся, что в Калининграде и Москве, где жил и работал Сугихара, память о нем также будет увековечена.

¹²⁷ Там же, д. 46, л. 21–22.

¹²⁸ Письмо Р. Короб-Жебрыку от 21.07.1967. – АЦХ, ф. 8, оп.1, д. 53, л. 13 (копия).

¹²⁹ Decision of love..., p. 16.

¹³⁰ Отметим документальный фильм А. Милоша (младшего брата нобелевского лауреата по литературе Ч. Милоша) “Визы жизни”, показанный в 2007 г. на кинофестивале в Варшаве.